

Л. А.. Чарская

Т-а и-та

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Л. А.. Чарская

Т-а и-та / Л. А.. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 124 с.

ISBN 978-5-4241-2023-7

Лидия Алексеевна Чурилова (урожденная Воронова, литературный псевдоним Лидия Чарская) по праву считается самой популярной детской писательницей России начала века. Перу этой одаренной и необычайно плодовитой писательницы принадлежат десятки произведений для детей, подростков и взрослых читателей. Количество написанного Чарской может быть сравнимо разве что с масштабами ее огромной, поистине небывалой популярности...

Продолжали зачитываться Чарской и после того, как ее произведения — уже в двадцатые годы XX века — были объявлены «слащавыми» и вредными для читателя, а затем запрещены и изъяты из библиотек. Наиболее любимые повести писательницы, однако, долго еще переписывались читателями, передавались из рук в руки.

ISBN 978-5-4241-2023-7

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Лидия Алексеевна Чарская
Т-а и-та

Глава I

— С нами крестная сила! Ветер-то, ветер какой!

— Ну и погодушка!

— Высунься-ка, поди-ка на улицу: так тебя и закружит, так и завертит.

— До святков еще, почитай, два месяца, а стужа какая! Не приведи Бог!

— Нынче с утра выюжит... Как намедни в лавочку бегала, думала с ног метелью собьет. Едва-едва обратно добежала...

— Тише, девушки, тише! Никак стучит кто-то?

— Как не стучать... Стучит, понятно! Она тебе и стучит, и поет, и свистит на разные голоса.

— Нынче пушки из крепости палили. Сказывают, это значит, вода из Невы выступит к ночи.

— Храни Господи! Тогда пиши пропало: зальет наш подвал.

— В первый этаж переведут, не бойся; будем тогда вроде как барышни-институтки. Знай, мол наших.

— Да тише вы, сороки! Спать пора, а они стрекочут. Небось завтра с петухами вставать, а они спать не дают.

— Стойте, девушки, помолчите! Впрямь, кто-то стучит.

На миг затихли голоса, и комната погрузилась в полное безмолвие.

Впрочем, это не комната даже, а широкий, длинный коридор. Около двадцати узких, убогих, железных кроватей, прикрытых одинаковыми нанковыми серыми «солдатскими», как их называют, одеялами, убегают двумя рядами в темноту. Электрическая лампочка слабо освещает переднюю часть длинной безобразной коридора-комнаты; задняя скрывается во мраке. Только там, в дальнем конце ее, слабо мигает огонек лампад перед божницей. Куцые окна приходится в уровень с землей; из них видны лишь ноги проходящих по двору и саду людей.

Это — помещение для женской прислуги Н-ского института. Это ее дортуар, спальня, где она ютится ночью, за исключением лишь тех девушек, которые спят наверху, в спальнях для институток, так называемых дортуарных девушек, чистящих, миновавших угрюмый подвал.

Здесь, среди подвальной прислуги, есть и старые и молодые. Все они — «казенные» служанки, то есть «не помнящие», а то и вовсе не знающие родства, взятые из воспитательного дома и поступившие сюда в очень молодом возрасте, 16–17 лет. Большая часть их проводит всю свою жизнь в стенах этого казенного здания. Многие из них уже старухи. Несколько десятков лет провели они здесь, убирая классы, дортуары воспитанниц, комнаты начальницы, инспектрисы, классных дам, приемные, подавая обеды и ужины институткам, перемывая чайную и столовую посуду, стирая белье в прачечной, — словом, неся на своих плечах все тяжелые обязанности горничных, прачек, судомоек.

Есть между ними и бельевые и гардеробные девушки, то есть такие, которые шьют белье институткам и перешивают им платья (новые костюмы заказываются на стороне у специальных портних). Эти девушки-швей с утра до ночи просиживают, согнувшись, над шитьем. Тяжела жизнь таких служанок; за грошовое вознаграждение, полтора-два рубля в месяц, они должны, как пчелы, работать целые дни. Правда, казна одевает их, дает им от себя платье, белье, обувь, все,

до последнего куса мыла включительно, но за это как много они трудятся и работают на казну.

Не мудрено поэтому, что мало охотниц с «воли» приходит сюда в институт предлагать свои услуги в качестве горничных, швеек и прачек. Из двух десятков человек всего лишь одна-единственная вольная в Н-ском институте. «Вольную» девушку, по имени Стешу, приехавшую из деревни два года тому назад, здесь не любит никто. Веселая, жизнерадостная певунья, с румяным круглым лицом и искрящимися глазами, Стеша возбуждает всеобщую зависть среди своих сослуживиц. Да и как им не завидовать, когда она, Стеша, свободна как птица, может уйти; отсюда на другое место, в то время, как все остальные должны за хлеб и приют, которыми они пользовались в раннем детстве, отслужить казне, хотя несколько лет, а иные так и остаются служить до седых волос, пока не исчезнут силы и не распахнет перед ними богадельня своих гостеприимных дверей...

Метель все шумит, все поет и визжит за стеной; неистовствует, то грозная, то жалобная, заливающаяся то смехом, то плачем.

Вдруг в эти нестройные, наводящие уныние, звуки врываются другие, совсем особые, нисколько не напоминающие ветер и метель. Громко и явственно раздается у дверей: «Тук-тук-тук»...

— С нами крестная сила! Снаружи это... Что такое?.. В такой неурочный час, Господи...

И самая старшая из служанок, пятидесятитрехлетняя Агафьюшка, за свой властный деспотический нрав прозванная институтками «Марфой Посадницей», тяжело кряхтя, поднимается с постели, на которой она только что принялась растирать свои истерзанные ревматизмом ноги.

— А может, надсмотрщица? — робко произносит молоденькая Акуля, недавно только поступившая сюда.

— Глупая! Какая там надсмотрщица? Нешто надсмотрщица с улицы придет, — накидываются на нее добрый десяток товарок.

— Стало быть депеша, либо письмо, — Говорит хорошенькая Дунечка, беленьким ручкам и ослепительному цвету лица которой завидовала не одна институтка и которую старые седовласые девушки-служанки презрительно называют «Дуней-белоручкой» за умение сохранять среди самой грубой работы свою природную красоту.

Про Дуню-белоручку институтки, любящие часто строить фантастические предположения, говорили, что она — переодетая аристократка, которую злые родственники, желая воспользоваться ожидающим ее богатым наследством, подкинули в воспитательный дом.

— Депеша... Как же... Держи карман шире... Тебе депеша от китайского императора, што ли, с извещением, что он тебя, «белоручку», замуж за себя берет? — насмешливо протянула пожилая, с ехидно поджатыми губами, сорокалетняя девушка, — Капитоша, прислуга инспектрисы, которую прозвали «шпионкой» за ее постоянные доносы начальству на всех и на всякого.

Дунечка вспыхнула; остальные захохотали.

Между тем Агафьюшка открыла дверь спальни и прошла в сени. Черный ход находился тут же, по соседству с подвальным помещением девушек. Сразу потянуло струей холода. Визг вьюги и стон ветра ворвались в длинную спальню-

коридор. И перед «Марфой Посадницей» выросла в темном просвете дверей закутанная в теплый овчинный полушубок и платок широкая неуклюжая фигура женщины.

Глава II

— Что, Степанида Иванова здесь живет? — настоящим деревенским говором произнесла запоздалая посетительница.

Агафьюшка так вся и затряслась от охватившего ее негодования.

— Да что ты, милая, никак ума лишилась!.. Да нешто можно в казенное место в такую пору являться?.. Да, не приведи Бог, надсмотрщица явится — всех нас под ответ подведешь. Ступай, ступай. Завтра поутру наведайся. Нечего по гостям ходить, на ночь глядя... — затараторила она, легонько подталкивая незнакомку обратно к двери.

— Да я не по гостям, милая. Впусти, Христа ради. Мне Стеше Ивановой передать надоть кой-что, гостинчик из деревни, — взмолилась посетительница.

При слове «гостинчик» немилостивая Агафьюшка смягчилась сразу.

— Ну, входи уж, коли пришла, — снисходительно разрешила она. — Только справляйся скорее. Нету времени с тобой возиться, Надсмотрщица нагрянет, того и гляди.

— Эй, Степанида! Степа! Вставай скорее. К тебе из деревни гостья. Эк распалась девушка, и не разбудишь вовсе.

И, говоря это, «Марфа Посадница» будила, бесцеремонно толкая в спину, румяную, полную девушку, успевшую уже заснуть под говор и споры товаров.

Стеша просыпается не сразу. Садится на постели и протирает заспанные глаза.

— Штешенечка. Здравствуй, милая... Как живешь, родимая?.. А я к тебе из деревни, гостинчик привезла, — слышит она знакомый голос у своей кровати.

Большие серые выпуклые глаза Стеши широко раскрываются от изумления; она сразу узнает в толстой, закутанной фигуре свою давнишнюю знакомую и землячку.

— Панкратьевна! Голубушка! Вот неожиданно-негаданно Господь принес!

И, соскочив на босу ногу с постели, она бросается обнимать пришедшую.

Электрическая лампочка светит тускло. Фигура и лицо Панкратьевны скрываются в полумраке. Но от взоров находящихся в подвале женщин не может укрыться неестественная полнота запоздалой гостьи. Как будто она скрывает что-то под овчинным полушубком и теплым платком.

Немного плачущим, певучим голосом Панкратьевна говорит, обращаясь к Стеше, растерянно поглядывая на окруживших ее девушек, старых и молодых:

— Вот, Степанидушка, напасть-то какая: как померла, шесть месяцев тому назад, сестрица твоя Аграфена Ивановна, царствие ей небесное, так мы с ейной дочуркой Глашкой и не знали, что делать. Народ у нас, чай, сама знаешь, бедный... Голодать частенько приходится. В кажинной семье кажинный рот на счету, все есть просят, а тут, накося, чужую девчонку кормить надоть... Ну, прознали мы, что ты, как у Христа за пазухой, в казне на всем готовом живешь, так и решили всем миром девчонку тебе послать. Делай с ней, что знаешь. Корми, пои ее: ты ей родная — теткой приходишься; кровь-то не чужая, — своя. Бери ее себе, Глашку-то, потому некуда ее больше девать.

Тут широкий овчинный полушубок мгновенно распахнулся, и сразу наполовину похудевшая Панкратьевна опустила на пол перед взорами ошеломленных

обитательниц подвала маленькую четырехлетнюю девочку с бойкими черными глазами и вздернутым пуговицеобразным носиком.

— Ах! — дружно, не то испуганно, не то изумленно воскликнули все.

Маленькая девочка среди казенного дортуара для институтских прислуг! Это, действительно, было что-то из ряда вон выходящее.

А сама виновница переполоха забавно тарщила свои черные глазенки и без тени смущения и страха, засунув палец в рот, разглядывала тесно обступивших ее людей.

Несколько секунд длилось молчание. Все были несказанно поражены сюр-призом.

«Марфа Посадница» тяжело отдувалась, посапывая носом. Ехидная Капитоша тонко улыбалась, заранее радуясь поводу к новому доносу и неминуемому за ним скандалу. Глупенькая Акуля смотрела на малютку широко раскрытыми глазами, улыбаясь во весь рот. Хорошенькая Дунечка брезгливо сжимала губы.

Горько плакала Стеша шесть месяцев тому назад над письмом, пришедшим из деревни. То было печальное письмо. Оно извещало девушку о смерти ее старшей сестры-вдовы, оставившей единственную малютку-дочку. И тогда же Стеша написала просьбу в деревню добрым людям приютить, пока что, ее маленькую племянницу. Письмо не дошло, или не представилась возможность исполнить ее просьбу, но малютка Глаша появилась вдруг в институте.

Стеша, растерянная, ошеломленная неожиданностью, раздавленная никак непредвиденным обстоятельством, с белым, как ее ночная кофта, лицом и с трясущимися губами вдруг неожиданно опустилась на пол перед Глашей, обхватила девочку руками и завывала на всю девицью.

— Батюшки мои!.. Светы мои!.. Отец Никола Чудотворец!.. Ангелы-Архангелы!.. Сфрафимы-Херувимы!.. Матушка Владычица, Царица Небесная!.. Зарезали меня, без ножа зарезали!.. Куды я денусь теперь с девчонкой, куды я голову с ней приклоню?.. Убили вы меня, убивцы вы безжалостные... Просила я девчонку у себя подержать, — нет, таки прислали горемычную сиротинку сюды... Ну что мне делать с нею сейчас?..

Тут к причитаниям и истеричному вою Стеши неожиданно присоединился плач маленькой Глашки.

— А... — взвизгнула девочка. — Ма-ам-ка, боюсь... Те-те-нька, — заревела она благим матом и забилась в руках Стешы.

Все присутствующие бросились к плачущим. Кто успокаивал испуганного ребенка, кто уговаривал убитую горем Стешу.

— Нечего, нечего тебе разливаться слезами, девушка, — ехидно поджимая губы, зашептала Капитоша: — Ведь ты не наша сестра казенная: хоть сейчас отсюда уйти можешь, да место на стороне сыскать. Кто тебя привязал к казне-то.

— Да кто меня с ребенком-то на место возьмет, — взвизгнула сквозь рыдания Стеша, еще больше пугая и так безудержно ревущую девочку. Глаша залилась слезами пуще прежнего.

— Нет, что хочешь делай, Панкратьевна, а Глашку возьми, — спустя минуту решительно заявила Стеша. — Нельзя Глашке в казенном месте быть. Разве можно это? Узнает начальница — сейчас же меня откажет. Возьми: ты ее, Панкратьевна, возьми.

— Что ты? Что ты? Куды я с ней денусь, — в ответ заговорила Панкратьевна. —

Ты уж сама как-нибудь устройся.

— Да, ты, Панкратьевна, хоть на время ее возьми. Да я, Господи Ты Боже мой, все свое жалованье на нее отдавать буду, без чая-сахара посижу, только возьми ты к себе, Христа ради, девочку, слышь, Панкратьевна? А? Хоть на время возьми...

Тут Стеша быстро отерла слезы, посмотрела заплаканными глазами в ту сторону, где стояла Панкратьевна, и с легким криком испуга отступила назад.

Там, где находилась за минуту до этого явившаяся к ней землячка, сейчас не было никого. Панкратьевна словно провалилась сквозь землю. Ее нигде не оказалось. Очевидно, пользуясь общей суматохой, женщина исчезла из подвала так тихо и быстро, что никто сразу и не заметил ее исчезновения.

Не успели еще и сама Стеша и остальные девушки придти в себя от изумления, как неожиданно в девичью пулей влетела молодая гардеробная Маша и, испуганно шикая, бросила товаркам:

— Тише, девушки, надсмотрщица идет.

— Господи, этого еще не доставало, — шепотом вырвалось у Стеши.

— Девчонку-то спрячь! Спрячь девчонку куда-нибудь, Христа ради, не то крику будет не обернуться... Со свету нас сживет всех... — засуетились и заметались девушки, старые и молодые, с искренним страхом поглядывая на дверь.

— Глашенька, нишкни, не то тетеньку твою загубишь. Выгонят тетеньку отсюда. Перестань плакать, Глашенька... На сахарцу кусочек, — уговаривала, вся дрожа от волнения, обнимая и целуя мокрое личико Глаши, ее молодая, обезумевшая от страха, тетка.

— Перестань плакать, Глашенька, и я сахарцу дам, — зашептала на ушко малютке подоспевшая Марфа Посадница.

Магическое слово «сахар» сразу возымело свое действие, а извлеченный из глубины чьего-то кармана завалившийся кусок его дополнил впечатление. Неистовый плач Глаши оборвался сразу; она позволила подхватить себя на руки, быстро сдернуть с нее неуклюжую ватную кацавейку, головной платок, валенки и уложить на кровать в дальнем углу подвала.

Все это было закончено всего в десять-пятнадцать секунд, и когда надсмотрщица над девушками-служанками, она же и бельевая дама, худенькая, маленькая, очень крикливая и придирчивая особа лет пятидесяти, появилась в подвальном дортуаре, — ничего подозрительного или выходящего из рамок повседневности не представилось ее чрезмерно внимательным взорам.

Стеша, улегшаяся вместе с племянницей в кровать, сумела так искусно прикрыть головку девочки, что строгая Дарья Семеновна, «Пиявка», как прозвали надсмотрщицу, не заметила ни малейшего нарушения порядка.

Когда, сделав обычный ночной обход подвального помещения, Пиявка исчезла, Стеша первая вскочила с постели, пробежала пространство, отделяющее ее кровать от кровати Марфы Посадницы, и, рухнув перед ней на колени, залепетала, ломая руки и рыдая навзрыд:

— Агафья Николаевна, заступитесь!.. Спасите!.. На вас вся надежда... Не погубите меня... Ради Господа Бога не откройте то начальству, что мне ребенка подкинули... Ведь выгонят меня отсюда... Со свету сживут... Хоть до воскресенья-то, два денечка бы продержат здесь Глашку... А там я со двора отпрошусь, у знакомых ее где-либо пристрою пока что... Заступитесь вы только. Не дайте в

обиду. А главное, Капитолину Афанасьевну попросите, чтобы она инспектрисе не донесла... Вы все можете. Вас все послушают... Уважают они вас.

Что-то надорванное, поистине горькое и страдальческое было в голосе и рыданиях Стеши. И это надорванное и горькое непосредственно дошло до сердца «Марфы Посадницы», далеко не чертового от природы.

Жаль ли стало Агафьюшке девушку или захотелось ей подчеркнуть лишний раз свое значение у начальства, свою власть над окружающими, но в тот же миг она поднялась с постели, высокая, полная, представительная, с седыми косицами волос, отброшенными за плечи, и заговорила, обращаясь к успешным уже улечься по постелям девушкам:

— И то правда, милые, грех девчонку на улицу выкидывать. Пушай остается, пока что, покуда ей Степанида угла не найдет у добрых людей. А мы, коли крест на вороту у нас есть, должны покрыть Стешу и в тайности держать девочку, чтобы, упаси Бог, начальство не увидало... Капитоша, это к тебе относится. Воздержись малость, язык за зубами попридержи. Ведь нафискалишь своей барышне — со свету сживет она Стешу, а Стешу сживет — девчонке несдобровать, потому одна у нее тетка кормилица, с голоду без нее помрет девчонка... Впрочем и недолго нам скрытничать-то: в воскресенье пойдет со двора Стеша и уведет девчонку. Только два дня всего. А, Капитоша, помолчишь что ли? Можно понадеяться на тебя? — мягким, несвойственным ей голосом бросила товарке Агафьюшка.

Тонкие губы «шпионки» ехидно сжались. Лицемерно поднялись к небу бесцветные глаза.

— Бог знает что! Срамите меня зря только, Агафья Николаевна. Да видано ли и слыхано ли, чтобы я когда на своих доносила... — обиженно затянула она.

— Ну, положим, и видано и слыхано, — ответила Агафья, — сплетни сводить ты куда как прытка, матушка. А только теперь, ежели пикнешь, так и знай, со свету тебя сживу. Небось сама знаешь, как ее превосходительство генеральшаначальница меня отличает за примерную службу. Так ты мозгами-то и раскинь: выгодно ли али невыгодно тебе со мной ссориться, милая, — уже совсем иным тоном заключила она.

И величая «Посадница», как ни в чем не бывало, стала укладываться в свою постель.

Прошла к себе, в свой угол и Стеша, несколько успокоенная словами Агафьюшки и, осторожно раздевшись, тихонько улеглась на постель подле малютки-племянницы.

Глаша уже спала. Золотые сны витали вокруг ее вихрастой белобрысой головки. Альый ротик причмокивал и улыбался во сне.

— Спи, дитятко, спи, болезная, спи, сиротка моя, — произнесла шепотом девушка и нежно коснулась сонного личика губами.

Но заснуть Стеша долго не могла в эту ночь. Горькие думы наполняли ее голову. Как снег на голову, свалились на нее новые заботы, новые неприятности, и бедная девушка напрягала все свои мысли, чтобы найти выход из того тяжелого положения, в которое поставила ее неумолимая судьба.

Глава III

Понедельник. Вечер. В старшем, выпускном классе идет усиленная зубрежка. В последнем классе института царит целый ряд новых забот. Выпускное отделение, это — первое преддверие к жизни. На выпускных институток смотрят уже как на взрослых девушек. И не мудрено: через какие-нибудь семь месяцев они, эти юные девушки, сейчас еще усердно углубляющиеся в историю литературы, катехизис, физику, отечествоведение, геометрию, историю и прочее и прочее, выпорхнут на свободу.

И все-таки некоторые «синявки», классные дамы, не хотят считаться со «взрослыми» барышнями, и продолжают считать их за детей.

Так поступает, по крайней мере, «Скифка», или Августа Христиановна Брунс, немецкая дама.

Лет пятнадцать тому назад приехала она из далекой своей Саксонии в богатую Россию, приехала уже девицей в летах, отчаявшейся выйти замуж, приехала единственно ради заработка и в надежде добиться спокойного угла под старость. Детей она никогда не любила, почти никогда не видела их вблизи, но зато, как «Отче наш», твердо запомнила те несложные требования, которые предъявлял институт к своим классным дамам-педагогичкам: следить за девочками денно и ночью, всячески подавлять в них проявления воли, сделать из них вполне благовоспитанных барышень, покорных и безответных, как стадо овец, — а для этого муштровать, муштровать и муштровать их с утра до ночи и с ночи до утра, если это возможно.

— Балкашина! — неожиданно вскрикивает и стучит по кафедре ключом от своей комнаты, с которым она не расстается, пока дежурит в классе. — Балкашина, ты, кажется, читаешь, вместо приготовления уроков? Was liest du da? Komm her!¹

С ближайшей скамейки поднимается девушка лет семнадцати, миниатюрная, худенькая, с прозрачно-бледным лицом. Подруги называют ее «Валерьянкой» отчасти потому, что настоящее ее имя Валерия, отчасти потому, что у Вали есть несчастная слабость беспрестанно лечить себя и других.

Балкашина, воистину, помешана на лечении. Она уничтожает невероятное количество валерьяновых, ландышевых и флердоранжевых капель, нюхает соли и спирт, которые носит всегда при себе в граненых флакончиках, глотает магнезию для урегулирования желудка и жует отвратительные леденцы гумми от кашля. Она постоянно кутается, боится холода, сквозняков и мнительна до последней степени.

Сейчас, при оклике Скифки, сконфуженная Валерьянка поднимается со своего места; ее бледное лицо заливается румянцем.

— Was liest du?² — слышится снова неумолимый голос классной дамы.

— Книгу, фрейлейн, — невольно срывается робкий ответ.

— Das ist keine Antwort!³ — бубнит снова с кафедры Скифка.

Ах, Валерьянка и сама понимает, что это далеко не ответ. Но слово сорвалось нечаянно, против воли. Она молчит.

Лицо Скифки багровеет.

— Баян! — кричит она, снова стуча по привычке ключом о доску кафедры и